

УДК 9(410.III)«13/15»

Миграционная государственная политика и беженцы Первой мировой войны из Беларуси в Саратовской губернии (1915–1918 годы)

В. Г. Корнелюк

Корнелюк Виталий Григорьевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры туризма и культурного наследия, Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, zrumljowa@mail.ru

Саратовская губерния была одной из более чем трёх десятков губерний России, в которой на протяжении 1915 – начала 1916 г. оказались и находились до 1923 г. тысячи беженцев-белорусов. Материалы Государственного архива Саратовской области позволили составить целостное представление о масштабах, характере и условиях оказания помощи беженцам. Обращено внимание на взаимоотношение местного населения и вынужденных мигрантов. Автор делает вывод о том, что как для самих вынужденных мигрантов, так и для местного населения, в том числе местных властей, эта страница мировой войны стала тяжелейшим, драматическим испытанием.

Ключевые слова: беженство, вынужденная миграция населения, Беларусь, Первая мировая война, Саратовская губерния.

Migration State Policy and the Refugees of the First World War from Belarus in the Saratov Province (1915–1918)

V. G. Korneluk

Vitaliy G. Korneliuk, <https://orcid.org/0000-0002-4062-7428>, Yanka Kupala Grodno State University, 22 Ozheshko Str., Grodno 230023, Belarus, zrumljowa@mail.ru

Saratov province was one of more than 30 provinces in Russia, where since 1915 – early 1916 till 1923 there have been thousands of refugees from Belarus. Materials of the state archives of Saratov region helped to get a clear understanding about the scope, peculiarities and terms of assistance to refugees. Special attention is drawn to relationships between the local population and forced migrants. The author comes to the conclusion that this chapter of global war has become the hardest and the most tragic challenge for forced migrants, the local population and the authorities as well.

Keywords: refugees, forced population migration, Belarus, World War I, Saratov province.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-1-109-115>

Первая мировая война была не только на полях сражений. Война была в судьбах сотен тысяч вынужденных мигрантов – эвакуированных и беженцев, сорванных в 1915 г. со своих родных мест и отправленных в десятки губерний империи. Саратовская губерния оказалась среди тех регионов России, куда попали беженцы из белорусских земель. В основном они были из Виленской и Гродненской губерний. По данным на 1 апреля 1917 г., в Саратовской губернии общее число беженцев составляло 135 604 человека. В это число мигрантов

входили, в частности, 93046 «русских» беженцев, 21851 поляк и 7472 еврея¹. Соотнесём эти цифры с показателями общего количества населения в Саратовской губернии на 1 января 1917 г., которое, по данным Статистического ежегодника 1916 г., с прибавлением годового прироста и с учётом беженского населения составляло 3 389 123 человека. Беженцы в этом количестве – это более 4% населения губернии². Этот показатель выше, чем в целом по европейской части России, где беженцы составили 2,05% к местному населению³. Уже этот демографический показатель даёт основание для целенаправленного анализа истории беженства в границах Саратовской губернии.

Такому исследованию способствует содержательный архивный материал Государственного архива Саратовской области: Саратовского губернского совещания по устройству беженцев при Саратовском губернаторе, Главноуполномоченного Министерства внутренних дел по устройству беженцев в Саратовской и Астраханской губерниях, комитетов Всероссийского земского союза по оказанию помощи семьям призванных на военную службу и устройству беженцев, Саратовского городского комитета помощи беженцам Всероссийского особого совещания по устройству беженцев, волостных подкомитетов, уездных и губернского отделений Комитета великой княгини Татьяны Николаевны по оказанию помощи беженцам в Саратовской губернии, Саратовского губернского отделения Всероссийского комитета помощи пострадавшим от войны.

Эти архивные материалы дополняются источниками тогдашней саратовской прессы. На сегодняшний день существует определённый круг исследований истории беженства Первой мировой войны, авторы которых на примере различных регионов России изучали различные аспекты этого явления. Для нашего исследования важны работы И. Б. Беловой, С. Ф. Лапановича, В. В. Хасина, И. П. Щерова⁴.

До начала августа 1915 г. никакой массовой миграции в Саратовской губернии не было⁵. В Саратовской губернии вынужденные мигранты появились в середине 1915 г. в результате наступательных действий германских войск, когда с территории театра военных действий была преимущественно насильственно выселена значительная часть населения. Только из Гродненской губернии беженцами стало более семисот тысяч человек⁶.

Как известно, 4 августа 1915 г. по инициативе Ставки Верховного Главнокомандующего было принято решение о массовом перемещении беженцев во внутренние губернии империи⁷. С 2 ноября 1915 г. для централизованной деятельности по благоустройству беженцев 31 губерния России была поделена на 12 районов во главе с управляющими МВД⁸. В одиннадцатом таком районе была Саратовская губерния.

С самого начала в Саратовскую губернию планировалось прибытие 100 тысяч беженцев. В Саратове планировалось оставить 20 тыс. человек, в уездах – 30 тыс., в уездных городах – 10 тыс. Эти цифры были первым осторожным предложением со стороны уездов⁹. Ведь появление тысяч потерпевших от войны людей стало во многом событием, о котором не было ясного представления, как для местной администрации, так и для остального населения.

Стремительный темп миграции требовал оперативных решений по вопросам благоустройства мигрантов. Ускоренными темпами вырабатывался закон о беженцах¹⁰. С. Лапанович подчеркивает, что только в окончательную версию утвержденного 30 августа 1915 г. закона «Об обеспечении нужд беженцев» попали пункты о порядке создания и деятельности местных беженских комитетов¹¹. По закону руководство беженским движением возлагалось на губернские, уездные, земские и другие общественные учреждения¹². Утвержденный закон стал краеугольным правовым камнем в системе помощи пострадавшим от войны вынужденным мигрантам. Хотя нельзя не согласиться с В. В. Хасиным в том, что «вся миграционная структура, созданная в июле – августе 1915 г., была далека от совершенства»¹³. Тем не менее в ходе огромной организационной работы во всей империи была создана региональная государственная структура, которая включала в себя 71 городской комитет, 42 губернских, 10 фронтовых, 67 национальных и прочих организаций¹⁴. В их числе были и саратовские беженские учреждения и организации.

В Саратове начали проходить Особые Совещания о беженцах под председательством губернатора С. Д. Тверского и вице-губернатора С. А. Римского-Корсакова. В этих совещаниях принимали участие представители города, губернского и уездного земства, петроградского и московского еврейских комитетов и действующих городских организаций. С самого начала властями губернии приветствовалась тесная связь с губернской земской организацией¹⁵.

Был поставлен вопрос о необходимости съезда уполномоченных губернских земских комитетов при главном комитете всероссийского земского союза для выработки единообразных мероприятий¹⁶. С самого начала беженства ставились задачи постоянного контроля за средствами для помощи беженцам, исполнением различных форм экономии этих средств. Это и стимулиро-

вание интереса беженцев к трудоустройству, и осуществление учёта беженцев, и регулирование выдачи беженского пайка, и рациональное регулирование деятельности представительств организаций помощи, и тщательное планирование смет расходов всех структур-участников решения «беженского вопроса»¹⁷. С самого начала нахождения беженцев на новых для них землях осуществлялась работа по организации отправки призывников на военную службу¹⁸.

Губернские служащие занимались распределением между местными организациями опеки за беженцами средств кредитов, получаемых из Особого Совещания при МВД; разработкой и представлением на утверждение смет расходов местных организаций, рассмотрением жалоб беженцев, публиковали распоряжения и законы; помогали в поисках затерявшегося багажа; распределяли беженцев по губернии, выселяли беженцев из города и направляли их на сельскохозяйственные и иные работы, в том числе на фронт на земляные строительные работы в распоряжение Полевого строительного управления, выдачей экстренных вызовов беженцам и просто различных справок. В зимний период в день в кабинетах саратовской канцелярии насчитывалось до восьмидесяти просителей¹⁹.

Занимались губернские и уездные учреждения помощью беженцам в получении компенсаций за утраченное в ходе реквизиций и эвакуации имущества. Эта работа шла в связке с четырьмя ликвидационными комиссиями, созданными 6 октября 1916 г. и располагавшимися в Смоленске (1-я и 3-я) и Минске (2-я и 4-я)²⁰.

Известно, что первыми в дело помощи беженцам включились общественные, в том числе национальные, организации. В Саратовской губернии это были, в частности, отделения «Татьянинского комитета». С августа 1915 г. для помощи беженцам-евреям своих членом мобилизует еврейская община г. Саратова²¹. В самом губернском городе сформировалось два еврейских очага беженцев²².

Достаточно оперативно формируется целая структура для обеспечения самых разных сторон помощи беженцам. Так, организацией питания беженцев занималась продовольственная комиссия городского комитета о беженцах, встречами – вокзальная комиссия, расселением – квартирная. В структуре той же продовольственной комиссии действовали соответствующие секции, например, молочная, для организации питания детей, стариков и больных беженцев. Молоко приобреталось у местных сельских поставщиков. Заметим, что постепенно происходила перестройка довоенного режима работы организаций. Например, не сразу удалось установить сотрудничество с такой местной организацией помощи кормящим матерям, как «Капля молока»²³. Конечно, государственные местные органы власти стремились к координации действий разных организаций. Но даже

«Татьянинский комитет», возглавляемый супругой саратовского губернатора, занимался помощью беженцам в отрыве от гороского комитета помощи беженцам. Для удобства планирования действий «Татьянинский комитет» разделил Саратов на участки, каждый из которых имел своего попечителя. Усилиями последних с участков собирались пожертвования²⁴. Также самостоятельно действовал и еврейский комитет помощи беженцам. У всех была нужда в добровольцах из числа местных жителей, готовых от имени общественных организаций помогать беженцам²⁵.

Первые дни и даже первые месяцы были периодом наплыва беженцев без всякого плана и каких-либо предписаний. Например, городской голова и земская управа г. Камышина узнали о прибытии поезда с 600 беженцами за два часа до его прибытия²⁶. Интенсивность прибытия беженцев в осенний период 1915 г. была наибольшей. Только в Саратов за три дня с 15 по 17 августа прибыла тысяча беженцев²⁷. А в середине декабря того же года количество беженцев составляло 113 667 человек²⁸. На 24 августа 1915 г. в Саратове состав проживающих (3 500 беженцев) включал, в частности, 31% украинцев (малоросов) (в т. ч. сотрудники и студенты Киевского университета), 39% великоросов (которые в действительности преимущественно состояли из беженцев-белорусов), 24% поляков, 4% евреев²⁹. Для помощи беженцам не хватало ни людей, ни средств. Домовладельцы нередко отказывались сдавать беженцам свои дома или же запрашивали слишком высокие цены за съём жилья³⁰. По причине того, что больницы не принимали заразных больных из числа беженцев, последние концентрировались на вокзале, превращая здание вокзала в лазарет³¹.

И всё-таки, несмотря на внезапность для местного населения появления масс беженцев, история сохранила много примеров бескорыстной помощи пострадавшим от войны людям. В ноябре 1915 г. священник Амассийский, путём воздействия на прихожан, устроил в селе Давыдов Саратовской губернии приют для пятисот беженцев. В той же губернии священник села Вязовки склонил многих из своих прихожан к приёму беженцев в числе 80 человек в свои дома, большей частью бесплатно или за самую ничтожную плату³².

Довольно быстро в городах стали появляться убежища беженцев. Ими становились доходные дома, здания учебных заведений, специальные бараки или приюты. Весной 1916 г. в Саратове имелось не менее 47 таких зданий в ведении городского комитета помощи беженцам³³. Особое место концентрации беженцев – Дегтярная площадь, на которой было организовано несколько деревянных бараков с необходимыми к ним постройками. Это стоило городу более 300 тыс. рублей³⁴. Для поддержания порядка в этих убежищах создавались домовые попечительства³⁵. На июнь 1916 г. в беженском городке на Дегтярной площади насчитывалось 737 человек, среди кото-

рых было 225 семей, находящихся на попечении Саратовского городского комитета помощи беженцам³⁶. Из этого числа 56% беженцев не имели никаких доходов и существовали за счёт пайков³⁷. Подобная статистика есть по саратовскому доходному дому Лаптева: 294 беженца, среди которых работающих – 9 человек, остальные взрослые – неработающие, причём, 50 (17%) фигурируют как больные³⁸. Такое состояние беженцев делало их группой населения, требующей особого внимания как со стороны местных властей, так и со стороны медицинских организаций.

Для оценки ситуации в Саратове и губернии на первом этапе прибытия беженцев важна информация о работе губернского съезда земских врачей в декабре 1915 г. Врачи съезда договорились о едином размере пайка для беженцев на сумму 7 руб. 50 коп. Норму месячного питания беженская комиссия определила в 1 пуд 10 фунтов муки, 10 фунтов мяса, полведра капусты, полпуда картофеля, 10 фунтов пшена, 5 фунтов муки, 3 фунта масла постного, 2 фунта сахара, восьмушка чая, 1 фунт соли. В Кузнецком уезде такой продуктовый набор обходился в 7 руб. 11 коп.

Определение собственной нормы пайка и её ориентировочной стоимости в губернии было нормой для всей страны, так как согласно закона от 25 июня 1912 г. стоимость пайка определялась каждым губернским руководством исходя из экономического состояния губернии. Нормами питания, которых стоило придерживаться, были следующие: 1 пуд 28 фунтов муки, 10 фунтов крупы, 4 фунта соли, 1 фунт масла подсолнечного³⁹. Заметим, что вопрос о лишении пайка трудоспособных беженцев не получил поддержки большинства земцев-врачей из-за опасения распространения эпидемических заболеваний на почве недоедания. Также было признано необходимым как минимум в два раза увеличить количество бань. Дискуссия на съезде о немцах-колонистах, высланных с западных губерний России с подозрением в шпионаже, показала, что среди делегатов съезда преобладали трезвые рассуждения о невозможности видеть во всей массе выселенцев шпионов и, следовательно, неприемлемости не оказания помощи, в том числе и материальной, этой категории вынужденных мигрантов⁴⁰.

Нередкие вспышки заразных заболеваний среди беженцев вызывали беспокойство среди горожан. Причинами заболеваний были крайне неухаженные бараки беженцев: «заплесневелые стены, от сырости капала вода с потолка, а положенная на нары промокательная бумага за ночь становилась мокрой, ... в отхожих местах по ночам часто не горят лампы, поэтому беженцы стараются туда не ходить, ... а отнесенная в парильню их одежда прогорает и теряет свою прочность. ...А если ему (беженцу) придется попросить карболового раствора для примитивной дезинфекции постели, попросить обед или что-нибудь другое, его всегда сопровождают криком,

бранью и угрозами...»⁴¹ Названные детали быта беженцев усиливались общей психологической подавленностью вынужденных мигрантов, что вместе вело к трудности взаимоотношений беженцев с представителями местной власти.

Прежде всего эта трудность проявлялась в вопросе трудоустройства. Нежелание беженцев идти на новую работу современными исследователями объясняется рядом причин: малый заработок, постоянные мысли о возвращении домой, ожидание заботы о себе со стороны властей, в качестве оправдания самого факта их беженства⁴². Кроме того, «беженцы, – как отмечали в местной российской прессе, – это бывшие хозяева, работающие на земле, на родине имели своё хозяйство, домашних животных ..., а теперь попавшие в батраки, обрабатывающие чужое поле, нередко слышащие упреки в свой адрес, низкую оценку своего труда»⁴³.

Драматическое положение беженцев замечалось тогдашней саратовской прессой. Санитарный врач Н. Добрейцер на страницах «Саратовского вестника» написал о жизни беженцев на Дегтярной площади. Такие замечания медика, как «в городке нет постоянного медицинского персонала», «всё население в 800 человек поручено наблюдению одного врача, который живёт где-то в городе и сюда приезжает в известные часы» или «Саратову грозит развитие самой грозной эпидемии» (где речь шла о таких заболеваниях, как оспа, холера, скарлатина, дифтерия, сыпной тиф), должны были привести в действие соответствующие службы⁴⁴. Это возымело своё действие, и 26–28 декабря 1915 г. на совещании саратовских врачей по борьбе с сыпным тифом было решено не только стараться ликвидировать скученное проживание беженцев, предоставляя им дополнительную жилую площадь (было таких 1200 человек), но и назначить в «беженском» городке постоянную должность врача с широкими полномочиями⁴⁵. Эти и подобные им действия различных земских и других управленческих ведомств свидетельствуют о постепенном совершенствовании действий властей, направленных на помощь и поддержку вынужденных мигрантов.

Пребывание беженцев в различные населённые пункты Саратовской губернии всё время сопровождалось непрерывным процессом перемещения беженцев как в границах губернии, так и за её пределы. Предпосылками такой внутренней миграции были, с точки зрения В. В. Хасина, хроническое опоздание правительства в организации помощи, ошибки в прогнозировании длительности этого явления и неравномерное распределение вынужденных мигрантов по внутренним губерниям⁴⁶. Причинами таких внутренних переездов отдельных беженцев и целых семей были прежде всего экономические: поиск работы или движение к месту её исполнения, движение в сторону лучших условий проживания. Также беженцы стремились к воссоединению с

родственниками. Для мотивированных переездов беженцы имели льготы на проезд. Регуляторами поездок выступала выдача губернскими властями экстренных отзывов беженцам и прямой запрет на самовольное перемещение, под угрозой лишения беженского пайка⁴⁷. По правилам с ноября 1916 г. экстренные отзывы во внутренних губерниях, какой была и Саратовская, давались только для перемещения на сельскохозяйственные и иные работы, при неотложной необходимости явиться беженцам в эвакуированные правительственные и общественные учреждения, на соединение со своими семьями в экстренных обстоятельствах⁴⁸. До саратовских чиновников и сотрудников отделений «Татьянинского комитета», национальных беженских организаций эти правила дошли в начале декабря 1916 г.⁴⁹

Экономический кризис вслед за политическим в 1917 г. полностью поменял обстоятельства прибытия беженцев, толкая их искать лучшие условия жизни в новых районах российских губерний, и к возвращению домой. Известно, что и сами беженцы, и необходимые для помощи им инвентарь, припасы и представители беженских организаций могли перемещаться железнодорожным путём по льготным тарифам⁵⁰. Всё это в полной мере было применимо для Саратова и Саратовской губернии – железнодорожного узла Среднего и Нижнего Поволжья.

Опись экстренных вызовов, выданных Саратовским губернским совещанием по устройству беженцев за период с 16 июня по 21 сентября 1917 г., показывает интенсивность беженских перемещений. По трёмстам таким выданным экстренным разрешениям большинство мигрантов выезжали из Саратова (81%), остальные – из разных станций губернии⁵¹. Каждая третья поездка этого 961 беженца была за её пределы, а география конечных станций охватывала 49 различных городов всей страны. Станциями прибытия беженцев были: Москва, Брянск, Томск, Нижний Новгород, Тверь, Одесса, Оренбург, Луганск, Казань, Евпатория, Харьков. Астрахань, Уфа, Екатеринослав, Екатеринодар, Красноярск, Никополь, Тула, Кисловодск, Самара, Луцк, Вологда, Иваново, Пенза, Тифлис, Челябинск, Могилёв, Барнаул, Жиздра, Тамбов, Елец, Воронеж, Рига, Петроград, Ростовна-Дону, Новониколаевск, Витебск, Рыбинск, Тихвин, Рязань, Кострома, Самарканд, Иркутск, Калуга, Омск, Ставрополь, Киев, Курск, Чита. Власти на местах практически не имели рычагов воздействия на это движение масс⁵².

Чувствительным знаком ухудшения экономического положения становится существенное уменьшение размера беженского пайка в отдельных частях губернии. В том же Балашове и его уезде в феврале 1917 г. пайки уменьшили с 7 руб. до 4 руб. на 4 человек семьи и до 2 руб. (вместо прежних 4 руб.) на остальных членов беженской семьи⁵³. Это противоречило решению Саратовского губернского совещания от 3 июня 1917 г., по

которому паёк должен стоить 7 руб. 40 коп.⁵⁴ Да и цены в июне 1917 г. отличались от рыночных цен 1915 г.

1917 г. принёс существенную активизацию национальных беженских организаций. Был образован Саратовский комитет помощи беженцам русской национальности, создание которого вытекало из активизации польских, литовских, еврейских беженских организаций. «Русские» беженцы, состоявшие преимущественно из белоруссов и украинцев, оказывались без такого возросшего национального внимания. Усиление национального беженского движения было составной частью общего в масштабах России расцвета национального освободительного движения и влияло на многонациональную массу беженцев. Показательной в этом отношении была служба в марте 1917 г. в местном костёле по случаю 100-летия со дня смерти руководителя освободительного восстания 1794 г. Тадеуша А. Костюшки⁵⁵. Примером непростых решений этой стороны организации беженцев может служить следующий эпизод: в ходе губернского совещания по устройству беженцев (июнь 1917 г.) в Вольский комитет помощи беженцам русской национальности попросились беженцы из числа белоруссов-католиков, аргументируя своё решение незнанием польского языка⁵⁶. Отметим, что просьба беженцев была удовлетворена.

О существовании национальных беженских организаций говорят данные распределения беженцев Саратовской губернии между всеми организациями помощи пострадавшим от войны на 1 октября 1918 г. Из 142 064 учтённых беженцев 110 034 (77,4%) составляли «русские», 7 472 (5,2%) еврей были под контролем еврейских организаций, более 19 655 (13,8%) поляков – польских, 1 471 (1,0%) литовец – литовских, 1 751 (1,2%) латыш – латвийских, также фигурирует 1 681 (1,1%) лютеранин⁵⁷.

О преобладании «русских» беженцев в общем числе мигрантов говорят и дифференцированные сведения по отдельным уездам губернии. Например, в Балашовском уезде из общего числа беженцев на 1 января 1917 г. (русские, поляки, латыши, старообрядцы, евреи) – 17 522 чел., беженцы в графе «русские» составляли 12 175 человек (69,4%)⁵⁸. Поэтому национальные беженские организации были активны на протяжении всего периода вынужденной миграции. С конца 1917 г. усилия национальных беженских активистов были направлены на ускорение отправки своих беженцев на родину. Беженцы-белоруссы в этот период стали объектом столкновения интересов Комитета беженцев русской национальности и представителей белорусских партий и общественных организаций Петрограда и Москвы, которые инициировали подготовку беженского съезда⁵⁹. Уже позже интересы белорусских мигрантов будет стремиться защитить Белорусский Национальный Комиссариат при НКДН РСФСР. Однако, как от-

мечает В. Ляховский, Белнацком в конечном итоге не смог организовать планомерной реэвакуации на родину беженцев⁶⁰.

Особой страницей истории беженцев является феноменальный процесс знакомства мигрантов разных национальностей и местного населения. Мнения людей определялись их собственным жизненным опытом, уровнем образованности, жизненными ценностями и ориентирами. Для крестьянина Конана Михальчука из Гродненской губернии это были впечатления детства от казаков. «А як тыя людзі ездзілі!... Казак ехаў канём, заўсёды спяваў, а вецер падымаў яго чуб», – вспоминал много десятилетий спустя бывший беженец⁶¹. Крестьянский взгляд сразу же обращал внимание на природу края, так отличную от белорусской местности: «Лесов вокруг не было. Квартыры согревали кизяком – сухим коровьим навозом»⁶². А пожилой беженец-поляк, комментируя свои свежие впечатления о саратовской земле, давал различные оценочные суждения о русских людях и их жизни: «даровитый народ», «в искусстве вы прокладываете новые пути», «ваше театральное искусство стоит на большой высоте», «я полюбил страну... за нею будущее», и одновременно – «грязь, сор, вонь, жалкие хибарки», «музыкальное воспитание публики в Саратове стоит так низко», «невоспитанность публики, которая срывается за 2–3 минуты до окончания, наступая на ноги...»⁶³.

В целом же общее впечатление об отношении местных жителей к беженцам красноречиво показывают воспоминания бывших беженцев Гродненской губернии (а теперь Белостокского воеводства Республики Польша). Из общего числа респондентов (155 чел.) 38, 7% через десятки лет вспомнили о фактах помощи и поддержке со стороны местного населения в России⁶⁴. Память об оказанной помощи в 1915–1916 гг. осталась сильнее впечатлений об изменившемся отношении со стороны населения, вызванном катастрофическими процессами революционных лет и времени Гражданской войны (1917–1923 гг.). Разнообразные свидетельства лет смуты напоминают о том, что из-за экономической разрухи, голода, революционных реквизиций местное население начало видеть в беженцах лишнюю обузу и разным образом толкало последних к скорейшему возвращению домой⁶⁵.

В результате анализа истории беженства из Беларуси и государственной миграционной политики, которая проводилась в 1915–1917 гг. в Саратовской губернии, можно утверждать, что как для самих вынужденных мигрантов, так и для местного населения, в том числе местных властей, эта страница мировой войны стала тяжелейшим, драматическим испытанием. Выдержать этот период вынужденного изгнания всем беженцам, в том числе из белорусских губерний, во многом помогла разносторонняя помощь как государственных, так и общественных организаций, а

также поддержка местного населения. А довольно продолжительный контакт с местным населением разных регионов России, в том числе Саратовской губернии, стал своеобразным катализатором для беженцев-белорусов в росте их национального самосознания, в их ощущении этнической отличности. И это было ещё одним из значимых последствий беженства, вызванного Первой мировой войной.

Примечания

- 1 См.: Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 1788. Оп. 1. Д. 85. Л. 2–6.
- 2 Там же. Ф. 1811. Оп. 1. Д. 241. Л. 3.
- 3 См.: *Хасин В. В.* Миграционные процессы в Российской империи в Первую мировую войну : по документам Нижнего Поволжья : дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 1999. С. 83.
- 4 См.: *Белова И. Б.* Вынужденные мигранты: беженцы и военнопленные Первой мировой войны в России 1914–1925 гг. М., 2014. 432 с.; *Хасин В. В.* Миграционные процессы в Российской империи...; *Щеров И. П.* Миграционная политика в России 1914–1922 гг. Смоленск, 2000. 316 с.
- 5 См.: *Хасин В. В.* Миграционные процессы в Российской империи. С. 97.
- 6 См.: *Корнелюк В.* Гістарычная дэмаграфія І сусветнай вайны: бежанства з заходніх губерняў Расійскай імперыі (1914–1917) // *Bialoruskie Zeszyty Historyczne*. Białystok, 1999. № 12. S. 22–44.
- 7 См.: *Белова И. Б.* Указ. соч. С. 113.
- 8 См.: *Хасин В. В.* Миграционные процессы в Российской империи. С. 35.
- 9 Там же. С. 96.
- 10 См.: *Лапановіч С. Ф.* Дзейнасць дзяржаўных і грамадскіх арганізацый па аказанні дапамогі бежанцам у Беларусі ў гады Першай сусветнай вайны (1914 – кастрычнік 1917 г.). М-ва унутраных спраў Рэсп. Беларусь, «Акад. М-ва унутраных спраў Рэсп. Беларусь». Мінск, 2010. С. 47.
- 11 Там же. С. 48–49.
- 12 См.: *Белова И. Б.* Указ. соч. С. 124.
- 13 *Хасин В. В.* Миграционные процессы в Российской империи... С. 59.
- 14 См.: *Хасин В. В.* Власть, общество, социальные институты в решении миграционных проблем в России в Первую мировую войну на общегосударственном уровне и в региональном преломлении // *История и историческая память : межвуз. сб. науч. тр.* Саратов, 2014. Вып. 10. С. 66.
- 15 См.: Особое Совещание о беженцах // *Саратовский вестн.* 1915. № 177. С. 5.
- 16 См.: Съезд председателей земских управ // *Саратовский вестн.* 1915. № 178. С. 5.
- 17 См.: Государственный архив Саратовской области (далее – ГАСО). Ф. 611. Оп. 2. Д. 7. Л. 13–16 об.
- 18 См.: Освидетельствование беженцев призыва 1914–1916 гг. // *Саратовский вестн.* 1915. № 224. С. 5.
- 19 ГАСО. Ф. 611. Оп. 2. Д. 2. Л. 1–1 об..
- 20 Там же. Л. 90.
- 21 См.: Правление Саратовской еврейской общины // *Саратовский вестн.* 1915. № 177. С. 1.
- 22 См.: *Хасин В. В.* Миграционные процессы в Российской империи ... С. 108.
- 23 Питание детей беженцев // *Саратовский вестн.* 1915. № 181. С. 5.
- 24 См.: Вопрос о беженцах в санитарном обществе // *Саратовский вестн.* 1915. № 181. С. 5.
- 25 См.: Воззвание Комитета Императорского Высочества Великой Княгини Татьяны Николаевны // *Саратовский вестн.* 1915. № 224. С. 1.
- 26 См.: Съезд председателей земских управ // *Саратовский вестн.* 1915. № 177. С. 5.
- 27 Там же.
- 28 См.: *Хасин В. В.* Миграционные процессы в Российской империи... С. 99.
- 29 См.: Вопрос о беженцах в санитарном обществе // *Саратовский вестн.* 1915. № 181. С. 5.
- 30 См.: Наплыв беженцев // *Саратовский вестн.* 1915. № 182. С. 4.
- 31 См.: В городском комитете о беженцах // *Саратовский вестн.* 1915. № 184. С. 4.
- 32 См.: ГАРФ. Ф. 564. Оп. 1. Д. 719. Л. 5 об.
- 33 См.: ГАСО Ф. 615. Оп. 1. Д. 21. Л. 43.
- 34 См.: *Бор-ов Д. В.* «городке» для беженцев // *Саратовский вестн.* 1915. № 281. С. 5.
- 35 См.: В городском комитете о беженцах // *Саратовский вестн.* 1915. № 184. С. 4.
- 36 См.: ГАСО Ф. 611. Оп. 2. Д. 2. Л. 31.
- 37 Там же. Л. 27–31. (Подсчёт наш. – В. К.).
- 38 Там же. Л. 35–39 об.
- 39 См.: Беженцы и организация помощи им в связи с работами Особого совещания: доклад Главным комитетам уполномоченного, председателя отдела М. М. Щепкина, март 1916 г. / Всероссийские земский и городской союзы, Отд. по устройству беженцев. Пг., 1916. С. 76.
- 40 См.: Губернский съезд врачей // *Саратовский вестн.* 1915. № 276. С. 5.
- 41 См.: О беженцах (письмо в редакцию) // *Саратовский вестн.* 1915. № 281. С. 5.
- 42 См.: *Попова А. Р., Тимофеева Т. С.* Проблема переселения беженцев из Украины: социально-экономические последствия для России // *Фундаментальные исследования*. Пенза, 2015. № 11. С. 181 ; *Уфимская жизнь*. 1915. № 201. С. 4.
- 43 См.: Тамбовский земский вестн. 1916. № 1. С. 4.
- 44 См.: *Добрейцер Н.* Обречённые (беженский городок) // *Саратовский вестн.* 1915. № 282. С. 4.
- 45 См.: Совещание врачей по борьбе с сыпным тифом // *Саратовский вестн.* 1915. № 285. С. 5.
- 46 См.: *Хасин В. В.* Миграционные процессы в Российской империи... С. 95.
- 47 См.: ГАСО Ф. 611. Оп. 2. Д. 7. Л. 2–2 об.
- 48 Там же. Л. 4.
- 49 Там же. Л. 8 об.
- 50 Там же. Л. 1.

- ⁵¹ ГАСО Ф. 611. Оп. 2. Д. 7. Л. 79–84 об. (Подсчёт наш. – В. К.).
- ⁵² Там же. Л. 169–169 об.
- ⁵³ См.: Беженцы // Саратовский вестн. 1917. № 28. С. 4.
- ⁵⁴ См.: ГАСО Ф. 611. Оп. 2. Д. 3. Л. 1 об.
- ⁵⁵ См.: Памяти Костюшко // Саратовский вестн. 1917. № 56. С. 5.
- ⁵⁶ См.: ГАСО. Ф. 611. Оп. 2. Д. 3. Л. 1 об.
- ⁵⁷ Там же. Л. 2–2 об.
- ⁵⁸ Там же. Д. 5. Л. 16–17 об.
- ⁵⁹ См.: Среди беженцев // Саратовский вестн. 1917. № 251. С. 5; Вниманию беженцев русской национальности // Саратовский вестн. 1917. № 253. С. 5.
- ⁶⁰ См.: *Ляхоўскі У. В.* Ад гоманаўцаў да гайсакаў. Чыннасць беларускіз моладзевых арганізацый у 2 палове XIX ст. – 1 палове XX ст. (1939 г.). 2-к выданне, папраўленае і дапоўненае. Смаленск : Інбелкульт, 2015. С. 104.
- ⁶¹ См.: Беженства 1915 года. Беласток: Праграмная рада тыднёвіка «Ніва», 2015. С. 270.
- ⁶² Там же. С. 123.
- ⁶³ См.: Беседа // Саратовский вестн. 1917. № 24. С. 5.
- ⁶⁴ См.: *Карнялюк В.* Успаміны былых бежанцаў (1915–1923) Беласточчыны як крыніца па гісторыі Беларусі п.п. XX ст. (па матэрыялах зборніка Бежанства 1915 года) // *Bialoguskie Zeszyty Historyczne*. Białystok. 2002. № 18. S. 187–188.
- ⁶⁵ См.: ГАРФ. Ф. Р-3333. Оп. 7. Д. 8. Л. 65, 180; Д. 10. Л. 181, 182, 252.

Образец для цитирования:

Корнелюк В. Г. Миграционная государственная политика и беженцы Первой мировой войны из Беларуси в Саратовской губернии (1915–1918 годы) // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2019. Т. 19, вып. 1. С. 109–115. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-1-109-115>

Cite this article as:

Korneluk V. G. Migration State Policy and the Refugees of the First World War from Belarus in the Saratov Province (1915–1918). *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2019, vol. 19, iss. 1, pp. 109–115 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-1-109-115>